

СКАЗКА БУДЕТ ВПЕРЕДИ?

ЧТО ПРЕДЛАГАЮТ ЗРИТЕЛЮ КУКОЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ

Даже троллейбусная остановка называется «Театр кукол». О существовании Государственного академического Центрального театра кукол под руководством народного артиста СССР С. Образцова знают все. У второго нет ни остановок, ни знаменитых часов, ни высоких титулов. О нем мало говорят, почти не спорят, что в их городе работает Московский театр кукол. В фойе первого — мягкий приглушенный свет, за стеклянными витринами — куклы всех времен и народов, большой буфет, зимний сад, басейн с дикинскими рыбками. В Московском театре кукол есть такое крылатое, интеллигентное выражение: «Впечатление такое, будто в этом доме отсутствуют настоящий хозяин. А между тем театру уже за пятьдесят. Конечно, за эти годы были у коллектива свои взлеты, но чаще — небольшие робкие прыжки. Впрочем, поиски этого коллектива шли в том же русле, что и поиски ГАЦТК, только русло это было мелководнее, спокойнее».

Сегодня стало нормой, что, говоря о современных вершинах развития кукольного театра, критики, любители этого искусства упоминают коллективы кукольных театров Челябинска, Вильнюса, Тбилиси, Таллина. Но не Москвы. Это как бы само собой: постановки самого известного в стране кукольного театра под руководством С. Образцова уже давно не попадают в репертуар подлинных художественных открытий. Так было и на этот раз. Выйдя из зала после последней премьеры ГАЦТК «Маугли» (постановка В. Кусова), так хотелось сказать: «Если не сравнивать с Челябинским театром кукол, то вполне». Вспомнились спектакли «Аистенок и пугало», «Белоснежка и семь гномов» недавно гастролировавших в столице челябинцев. Тогда на обыкновенном белом столе два актёра — Он и Она — с двумя маленькими куклами рассказывали нам историю о том, как старое пугало согрело теплом своего сердца раненого аистенка. В этой сказке для детей и философской притче для взрослых звучали стихи А. Толстого, А. Тарковского, музыка Т. Альбинони, А. Вивальди, А. Корелли. Спектакль поражаёл изысканностью оформления, хотя и не было в нем чудес техники. А после того, как отпущался занавес, очень хотелось, чтобы твоё сердце, подобно сердцу старого пугала, тоже звенело тихим колокольчиком, отзываясь на чудную быструю радость.

На премьеры спектакля «Маугли» в ГАЦТК зрители охватывали иные чувства. Расстелается пестрая растительность джунглей. Пробегает кукольные животные, так похожие на настоя-

щих: Удав, Тигр, Шакал. Кто-то из них учит Маугли смеровке, кто-то ненавидит его. И эта непрерывная вереница растений и животных рождает странные мысли. На поэтического, не философского толка, а бытовые — будто ты в зоопарке переходяшь от одной клетки с экзотическими животными к другой. Здесь все настолько натуралистично и досказано, что для фантазии, для собственного зрительского воображения не остается даже щели. Спектакль удивляет техничностью и зрелищностью, но не затрагивает сердце. Не хочет оно звенеть даже маленьким тихим колокольчиком.

Эта постановка не является исключением в жизни коллектива. Премьерой прошлого года, например, стал спектакль «Пугающая принцесса» (постановка С. Образцова). Его нельзя назвать откровенной неудачей, но как и удачей. Правильнее сказать: этот спектакль — никак. Рядовой среди рядовых. Добро здесь торжествует, зло погибает, мораль ясна. Действие словно катится по проторенной лыжне. Спектакль начинается с того, что актёры на наших глазах джунгли вырезают из бумаги кукол, нарисовывать им лица, одушевить и сыграть сказку. Ход сам по себе интересный, хотя и не новый. Но в спектакле он так и остается «ходом», потому что вместо подлинного творчества нам предлагают имитацию, движение рук — и из-под стола вынули уже готовую куклу в надежде на то, что дошкольник не заметит маленькой хитрости. В этом спектакле существует своеобразная магия отрицательных персонажей. Они симпатичные, очень смешные. Их смерть вызывает скорее негодование, чем радость. Зато поступки положительного принца — набор штампов героического поведения. С самого начала у зрителя рождается заведомое предчувствие счастливого конца. И когда правда действительно торжествует, возникает странное чувство, что добро и справедливость легко достаются любви, кто протянет в их сторону руку.

Постановки Московского театра кукол как в зеркале отражают некоторые недостатки своего знаменитого соседа. Положительные герои его постановок живут в мире очень далеком от жизни современных мальчишек и девочек. Стараясь придать спектаклям особую новизну, театр вводит в их ткань модные словечки, песни на «современные» ритмы, второсортные шутки. Дети наверняка будут смеяться, если только назвать фактами («Держись, поросёнок!», а сестры Золушки будут перговариваться в таком тоне: «Молчи, клякса». Жаль только, что

на подобном смехе и оживлении практически заканчивается реакция зала. Как и в ГАЦТК, спектакли МТК построены предельно натуралистично. Если и появляется на сцене символ, то своей прозрачностью он нередко граничит с пошлостью. В «Хрустальном башмачке» — кукольной версии «Золушки» — таким символом стал подвешенный под потолком ботинок, помещённый в контуры сердца.

В начале этого сезона в театр пришёл новый главный режиссёр Сергей А. Хаит. Пришли сюда и актёры, которые до этого работали вместе с ним в известном ранее ансамбле «Люди и куклы». Сегодня еще трудно выставить точные «баллы» работе нового художественного руководителя. Ясно одно: театр накануне перемен.

В конце марта состоялось дебютное выступление нового режиссёра на этой сцене. Если сравнивать с подавляющим большинством прежних постановок, спектакль «Каштанка и слон» — удача. В нем много музыки, трюков, он зрелищен, его хочется смотреть даже взрослому. Впервые за последние годы театр попытается заговорить с детской аудиторией, не приседая на корточки, не закрывая, а на равных. Он пробует рассказать о том, как трудно найти человеку верных друзей, о тяжести одиночества, о необходимости мечты в жизни каждого. Но, предъявляя спектаклю самые серьезные требования, его можно считать только «пробой пера», своеобразной творческой «разминкой». Пьеса для нового спектакля написана Л. Хаитом и С. Сагаловым по мотивам рассказов А. Чехова и А. Куприна. Но высокая классическая литература никак не хочет ложиться на те мотивы, которые предлагают ей современные авторы. Рядом с прозой Чехова и Куприна дописанные сегодня куплеты песен, которые пронизывают весь спектакль, выглядят инородными. Их образы невыразительны, рифмы банальны, они только замусоривают спектакль. Из зала на сцену поднимается моська Жорж. Афшик тупеет он представляется так: «Я фокусник, а они, продох, все знают». Потом Жорж, повесив на шею длинную связку сосисок, перекинет ее через плечо и удалится со сцены. Конечно, ребенок, может быть, и не сразу поймет, что подобное поведение свойственно скорее Остапу Бендеру, он скорее всего не догадается, что слова «пробдох» и другие не укладываются в стилистику чеховского языка. Это понятно нам, взрослым, и нам очень хочется, чтобы первая встреча ребенка с классической литературой была бы все-таки встречей с великими Чеховым и Куприным. Стремление уйти от больших

нравственных, общечеловеческих проблем прослеживается не только в детских постановках. Через десять — пятнадцать лет маленький зритель придет (если придет) на взрослые спектакли московских кукольников. А что увидит он, к примеру, на сцене ГАЦТК? Всегда ли взрослые постановки этого коллектива отвечают тем высоким требованиям, которые мы вправе предъявлять единственному в стране театру кукол, несущему звание академического? Увы, нет. Актуальность и злободневность сценических пародий нередко идут в ущерб истинной художественности. Словно из-за недостатка иных выразительных средств почти в каждом спектакле появляются скрабные шуточки, которые вызывают смех у зрительном зале. Только на таком ли смехе должен воспитывать театр своего зрителя? Еще недавно мы говорили о сложности спектакля («Шлагер, шлагер, только шлагер...»). Прошло два года. Просматривая этот спектакль с позиций сегодняшнего дня, понимаешь, что его образы, сюжеты, конфликтные столкновения героев все-таки не затрагивают глубинной сути человеческих отношений. Постановка эта скорее походит на газетную заметку, чем на художественное произведение.

Безусловно, в репертуаре ГАЦТК есть спектакли, которые вошли сегодня в золотой фонд детских постановок. Это «Болельщик лапы Аладин», «По щучьему велению». Но ведь эти спектакли были поставлены в 30-е — 40-е годы!

Рассказывая своему маленькому зрителю сказку, театр кукол, вероятно, должен задавать себе много вопросов. И главное: придет ли ребенок вновь в его стены? Захочет ли он встречаться с подлинным искусством, когда станет подростком, юношей, взрослым человеком? По опросам, которые провели московские социологи среди группы рабочей молодежи нашего города, выяснилось, что третья часть опрошенных практически никогда не посещает театры, концерты, выставки, четвертая часть — никогда не читает художественной литературы... Какие ответы на эти же вопросы дадут нам через десять лет современные дети?

Несмотря на разницу интерьеров, два кукольных театра, о которых шла речь, очень похожи. Давно не встречался их зритель с подлинными художественными открытиями. Просматривая спектакли этих коллективов, невольно — вспоминаешь: «это только присказка, сказка — впереди». А будет ли, наконец, сказка?

Е. РУБЛЕВА.